

НѢЧТО О ВОСПИТАНІИ.

Воспитаніе съ пеленъ ребенка — самое важное дѣло: это фундаментъ будущей его жизни и чѣмъ прочнѣе и чище нравственное начало, положенное въ основаніи воспитанія, тѣмъ будетъ легче человѣку жить на свѣтѣ въ послѣдствіи, и тѣмъ ближе онъ будетъ къ вѣчному спасенію.

Воспитаніе настоящаго времени болѣею частию прививаетъ къ человѣку все недоброе, не нужное, противное даже человѣческой природѣ, и совершенно вытѣсняетъ и уничтожаетъ всѣ прирожденныя добрыя, хорошія наклонности.

Всякая почти мать выражаетъ свою любовь къ ребенку прежде всего тѣмъ, что начинаетъ украшать его всевозможными нарядными тряпочками, ленточками и кружевцами, и вообще ни на что не нужными нарядами. Къ сожалѣнію, очень часто при этомъ опускается самое необходимое — опрятность, которая развиваетъ въ человѣкѣ и силу и здоровье. Не только мать, но и посторонніе обращаются съ ребенкомъ какъ съ игрушкой или мячикомъ; всякій подходящій къ ребенку или нянчающій его разговариваетъ съ нимъ не обыкновеннымъ языкомъ и голосомъ, какъ бы это слѣдовало дѣлать, а непременно картавить, пищить, и вообще ведетъ съ ребенкомъ разговоръ на какомъ-то птичьемъ нарѣчій. Отъ того у насъ дѣти часто долго картавятъ и говорятъ не своимъ голосомъ. А вѣдь всякій знаетъ, что когда хотя бы выучить или выучиться иностранному языку хорошо, то при-

глашаютъ учителя съ правильнымъ, чистымъ выговоромъ этого языка, для того чтобы не вкрались неправильные звуки въ произношеніе учащагося; какъ же значить надо быть осторожну въ разговорѣ съ ребенкомъ, — ибо первые звуки оставляютъ въ немъ глубокое впечатлѣніе, которое будетъ имѣть силу при дальнѣйшемъ развитіи ребенка, и которое переиначить или исправить иногда бываетъ трудно. Бывали даже примѣры, что дѣти, говорившія съ начала чисто и ясно, начинали въ послѣдствіи, передразнивая кого-нибудь, или каргавить, или заикаться, да иногда такъ и оставались на всю жизнь, что составляло не малое горе какъ для родныхъ, такъ и для самихъ говорящихъ. Это многіе, я думаю, замѣтили въ жизни.

Ребенокъ сначала слушаетъ и глядитъ какъ-то безсмысленно, отчего мы и думаемъ, что онъ ничего не понимаетъ; но это неправда, оптический обманъ; — всѣ Богомъ дарованныя человѣку способности уже начинаютъ развиваться въ немъ съ самаго момента его рожденія. Развитіе человѣка совершается, правда, медленнѣе, нежели въ остальномъ животномъ царствѣ, за то самыя впечатлѣнія дѣлаются глубже, прочнѣе, иногда неизгладимѣе. Вы на ребенка поглядите сурово, нахмурите лицо, сдвинете брови, — и ребенокъ, вглядываясь въ васъ, начинаетъ самъ хмуриться, а иногда и заплачетъ. И на оборотъ: если вы улыбаетесь ребенку, ласкаете его, тогда онъ самъ начинаетъ смѣяться, кричать, радоваться и проч.; слѣдовательно ясно, что въ ребенкѣ уже развивается чувствительность и разумность. Если вы ребенка съ самаго рожденія начали пеленать, и потомъ чрезъ нѣсколько времени перестанете, и наоборотъ, тогда ребенокъ дѣлается недоволенъ, кричитъ, слѣдовательно уже и привычка дѣйствуетъ на ребенка.

Къ сожалѣнію время начинающей проявляться въ ребенкѣ

смысленности проходить не только безъ пользы, но скорѣе со вредомъ для него. Едва ребенокъ начинаетъ смыслить, какъ всѣ—отецъ, мать, няни, старшія дѣти, прислуга и даже гости, всѣ наперерывъ начинаютъ забавлять, или правильнѣе забавляться съ ребенкомъ, чѣмъ попало, всякимъ вздоромъ. Вертятъ передъ нимъ разными игрушками, чаще всего изображающими человѣка, звѣря, птицу, и все это въ каррикатурномъ видѣ, очень безобразномъ (что также портитъ вкусъ ребенка). Ребенокъ все это хватаетъ какъ попало, — за голову, за носъ и пр., и кидаетъ на полъ; старшіе поднимаютъ, снова суютъ ему въ руки; онъ снова бросаетъ и т. д.; старшіе, видя, что это забавляетъ ребенка, уже сами начинаютъ передъ нимъ кидать куклу и еще приговариваютъ: «Вотъ такъ! хорошенько его! подѣломъ ему, бей больнѣй» и пр., и пр.—все въ такомъ же родѣ и также глупо. Ребенокъ сначала глядитъ на все это, слушаетъ все это, еще не ясно понимая въ чемъ дѣло, но потомъ, чѣмъ чаще это повторяется, чѣмъ больше онъ подрастаетъ, тѣмъ яснѣе и яснѣе для него становится, что его учатъ командовать, — и онъ начинаетъ подражать и движеніямъ и словамъ старшихъ, и эти успѣхи ребенка несказанно радуютъ его близкихъ, и они отъ восторга начинаютъ еще болѣе дѣлать передъ ребенкомъ глупостей, предполагая, что онъ умнаго, правильнѣе, *разумнаго* ничего не пойметъ еще, — а между тѣмъ перенимаетъ ребенокъ одни глупости. Ребенокъ уже начинаетъ сердиться, все рвать, и бросать, все ломать, и требовать въ замѣнъ новаго; а старшіе, чтобы не раздражить ребенка, чтобъ онъ не надѣдалъ имъ своимъ плачемъ, ни въ чемъ не отказываютъ ему, во всемъ потакаютъ ему; подъ часъ для забавы учатъ его не дѣтскимъ забавамъ и глупымъ дерзостямъ и проч. и проч., и весь этотъ безнравственный хаосъ не замѣтно входитъ въ кровь и плоть ребенка и въ послѣдствіи дѣлается его

нераздѣльнымъ я. Ребенку все позволяютъ, все, чего захочетъ, даютъ, и онъ видя, что для него нѣтъ ни въ чемъ отказа, начинаетъ соображать, что не должно его никогда и быть. Забавы отъ куколъ переходятъ къ животнымъ, — ребенку даютъ мучить котятъ, щенятъ, цыплятъ и пр.; и онъ ими командуетъ, хватаетъ ихъ какъ попало, бросаетъ, щиплетъ — живыя игрушки стонутъ, пищатъ, вижатъ, а старшіе начинаютъ ихъ бить приговаривая: «Вотъ я тебя каналья! Смѣешь не слушаться Пети!» а Петя радуется и снова начинаетъ мучить и командовать бѣдными животными, и Боже оборони, если какое изъ животныхъ, изъ чувства самосохраненія, укуситъ или оцарапаетъ Петю, за то что онъ самъ ущипнулъ это животное до крови: тогда подымется страшный гвалтъ, и тутъ же при Петѣ дѣлается расправа съ дерзкимъ бѣднымъ животнымъ; его немилосердо бьютъ и выбрасываютъ куда попало, или даже убиваютъ. Если же, по какому нибудь случаю, у ребенка раздражены нервы, или онъ не совсемъ испорченъ сердцемъ, и начнетъ онъ плакать услышавши болѣзненной пискъ животнаго, тогда старшіе уговариваютъ его, стыдятъ его, насмѣхаются надъ нимъ, увѣряя его, что ужасно глупо плакать обо всякой дряни. Для разнообразія въ забавахъ, ловятъ для ребенка мухъ, и мучаютъ ихъ на всѣ манеры. Отрываютъ у нихъ крылья, потомъ ноги, головы и заставляютъ ребенка любоваться на то, какъ бѣдная муха жалобно жужжитъ и вертится, лишаясь постепенно своихъ членовъ. Поймавши въ мышеловку мышъ, ее при ребенкѣ отдаютъ кошкѣ, и показываютъ ему, какъ кошка *играетъ* съ мышью и мучаетъ ее, и ужасно хохочутъ, когда мышъ не удастся уйдти, хохочетъ этому и ребенокъ; — тутъ же объясняется ему, что мышъ — нечистое животное, что ее всегда такъ надо казнить, что она точитъ и портитъ все, ѣстъ хлѣбъ, крупу и проч. и проч., все въ такомъ же родѣ. Ре-

бенокъ растетъ, а съ нимъ вмѣстѣ растутъ и укореняются въ немъ всѣ эти дикія привычки и впечатлѣнія. Онъ приучается мало-по-малу къ жестокости, перестаетъ уважать чужую жизнь, и современемъ настолько ожесточается, что всякій предсмертный трепетъ животного, всякій раздирающій душу болѣзненный крикъ животного и стонъ его, уже вызываетъ, въ такъ испорченномъ ребенкѣ, не участіе, не жалость, а какой-то злорадный смѣхъ

Съ этими вредными для нравственнаго развитія челоѣка привычками, ребенку еще прививаютъ любовь къ роскоши вообще; не къ опрятности и порядочности, — нѣтъ, къ пустой, тщеславной роскоши, къ фантовству. И это дѣлается во всѣхъ классахъ общества и въ каждомъ по своему. А если ребенокъ почему-либо не привыкаетъ къ роскоши, если онъ какъ бы инстинктивно имѣетъ къ ней даже отвращеніе, и какъ бы понимая всю пустоту этихъ требованій, мало обращаетъ вниманіе на свой костюмъ и обстановку, тогда старшіе нападаютъ на него всѣмъ хоромъ, бранятъ его, стыдятъ его, говоря: «посмотри на себя! На что ты похожъ? Вѣдь ты точно нищій!» Разумѣется, слово *нищій* произносится съ насмѣшкой, съ презрѣніемъ, и ребенокъ, слушая это, привыкаетъ смотрѣть на бѣднаго не съ участіемъ, а съ отвращеніемъ. Ребенокъ, еще не живши, ничего не испытавши, ничего не понимая, уже начинаетъ стыдиться бѣдности, бояться ея пуще всего, пуще всякаго порока и начинаетъ уважать *только богатыхъ*, преклоняться и благоговѣть только передъ богатствомъ!

Съ этимъ же вмѣстѣ ребенка приучаютъ, кто имѣетъ средства (впрочемъ даже бѣдняки дѣлаютъ то же), къ вредной роскоши въ пищѣ, питьѣ и къ лакомству. И если ребенокъ, по натуральной потребности его организма, употребить суровую пищу, — ржаной хлѣбъ, кислую капусту, лукъ, рѣдьку и т. п.,

тогда старшіе снова стыдятъ его: «На что это похоже, точно ты мужикъ необразованной, что ѣшь всякую дрянь!» И ребенокъ, вырастая въ такихъ понятіяхъ, воображаетъ, что образованность заключается, главнымъ образомъ, въ роскоши, и совершенно убѣждается, что мужикъ или вообще чловѣкъ стоящій ниже его на житейской лѣсницѣ, можетъ, и даже долженъ, питаться всякой дрянью, и одѣваться и жить какъ попало. И уже черствая корка, облитая слезами бѣдняка, въ рукахъ бѣднаго труженика, не возбуждаетъ въ ребенкѣ ни сожалѣнія, ни участія!

Въ послѣднее время многіе проповѣдуютъ, будто бы нужно дѣтямъ предоставить полную свободу во всемъ дѣйствовать и поступать какъ они хотятъ, и будто бы натура, не стѣсняемая постороннимъ вмѣшательствомъ, лучше развивается, полнѣе и шире развернетъ свои способности. Отъ этого выходитъ, что теперь иногда отъ дѣтей нѣтъ житія старшимъ. Дѣти, предоставленные себѣ, не понимая еще, что хорошо и что дурно, не имѣя ни опытности, ни разсудительности, не наученные великой заповѣди Христа: *«Не дѣлай другимъ того, чего не желаешь себѣ»*, ведутъ себя самымъ безобразнымъ образомъ: шумятъ, кричатъ, стучатъ, пылятъ, сорятъ. Пристаютъ къ старшимъ со всякимъ вздоромъ, мѣшаютъ бѣднымъ отцамъ своимъ заниматься дѣломъ, и добывать копѣйку, которую у нихъ выпрашиваютъ эти же избалованные дѣти, и употребляютъ на всякій вздоръ, не умѣя цѣнить ни труда, которымъ добыта эта копѣйка, ни любви къ нимъ отцовой. И вырастая въ такой распущенности, дѣти привыкаютъ все считать своею неотъемлемою собственностію, не имѣя, конечно, еще ни на что никакого права.

Посмотрѣвъ на такое, болѣе нежели нелѣпое, воспитаніе, прямо спросишь: а какое имѣютъ право старшіе оставлять

бѣдныхъ дѣтей въ такомъ невѣдѣніи о добрѣ и злѣ? Почему они не хотятъ подѣлиться съ будущимъ *человѣкомъ*, съ будущимъ дѣятелемъ общества, и своею опытностію и своею разумностію? Зачѣмъ мучить молодую натуру и доставлять ей тяжкій трудъ, добираться самой до познанія *зла* и *добра*, когда такъ легко намъ, уже наученнымъ опытомъ и жизнью, предостеречь ее отъ перваго и направить ко второму? — Правда, иногда челоѣкъ отъ природы одаренъ такъ богато всякими способностями, что, не имѣя при себѣ наставника, научается самъ многому, иногда чуть не всему, и все дѣлаетъ порядочно, а иногда и отлично; эти люди называются у насъ *самоучки*; но вѣдь и самоучка перенимаетъ хотя наглядно или по слуху отъ другихъ, уже умѣющихъ, выученныхъ, слѣдовательно онъ все-таки учится, а не самъ вдругъ изобрѣтаетъ эти знанія. Бываетъ также, что самоучка, уже взрослый придумываетъ (изобрѣтаетъ) самъ какую-нибудь штуку, еще не бывалую; но вѣдь и это онъ дѣлаетъ изъ подражанія, если не людямъ, то природѣ. — Такъ, челоѣка надо съ самаго дѣтства направлять, всѣ его силы душевныя очищать, улучшать. Его характеръ, умъ, мысль, предоставленные себѣ, могутъ исказиться, принять ложное направленіе, потерять свое достоинство, силу въ жизни, еще не узнанной, непоречуваемой, неиспытанной! И бѣдный юноша, не направленный къ добру, не предупрежденный противъ зла, и отъ своеволія воображающій себя все-знайкой, впадаетъ безпрерывно въ ошибки, дѣлаетъ проступки, а иногда преступленія! И доживаетъ онъ, еще *неживши*, до того, что всѣмъ дѣлается въ тягость: старшіе не любятъ его, товарищи, болѣе порядочные, избѣгаютъ его, и наконецъ онъ самъ себѣ дѣлается въ тягость. И вотъ молодая жизнь, которая, при заботливомъ воспитаніи въ образованіи и умномъ нравственномъ руководствѣ, быть можетъ, сдѣлала бы

честь человѣчеству своимъ существованіемъ, принесла бы много пользы другимъ и сама бы насладилась всѣми дарами Божиими,—эта жизнь погибаетъ, часто оставляя по себѣ горькую память: ненависть, проклятіе, а иногда отражается зломъ на другихъ, или увлеченныхъ, или огорченныхъ, оскорбленныхъ этими людьми. И все это зло происходитъ отъ ложнаго пониманія свободы въ воспитаніи и образованіи чело-вѣка съ самой минуты его рожденія.

Не одобряя распушенности въ дѣлѣ воспитанія, мы недопускаемъ и противоположной крайности. Мы вовсе не думаемъ, что дѣтей надо мучить, преслѣдовать на каждомъ шагу, за каждое слово, за всякую шалость и т. д. Совсѣмъ нѣтъ. Никакого преслѣдованія, никакихъ наказаній, особенно строгихъ, также не нужно, даже въ томъ случаѣ, если уже ребенокъ испорченъ совершенно противоположнымъ способомъ воспитанія. Что же, спросятъ, съ нимъ дѣлать? Какъ исправить? Какъ поступить? Вѣдь не гладить же его по головкѣ, по неволѣ нужна строгость, наказаніе и даже истязаніе!..

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! отвѣчу я на это. Всѣ эти средства, для исправленія ребенка, старшіе придумали изъ лѣни, изъ любви къ собственному спокойствію. Высѣкъ ребенка, да и дѣло съ концомъ, чего съ нимъ возиться — пруть не свой брать, больно — такъ и не будетъ этого дѣлать — похнычетъ только, не бѣда! — Какое черствое, нечеловѣчное разсужденіе! Сколько эгоизма, самаго безнравственнаго, лежитъ въ немъ! Да развѣ ребенку принесетъ, какъ чело-вѣку, существенную пользу то, что онъ только изъ страха наказанія не будетъ дѣлать дурнаго? Что онъ, видя надъ собою пруть, палку, побоится повторить свой проступокъ? Нѣтъ. Вѣдь только животныхъ дрессируютъ плетью (хотя и это вовсе не похвально); охотничьихъ собакъ бьютъ, чтобъ онѣ дѣлали то, и не дѣлала этого. Но вѣдь это такъ дѣлается пото-

му, что у собаки съ человѣкомъ совершенно различныя желанія и инстинкты; чего хочется собакѣ, того не нужно человеку, и на оборотъ. На ребенка, какъ на человѣка, нужно дѣйствовать убѣжденіемъ, а не страхомъ, и только тогда послѣдуетъ дѣйствительное исправленіе, нравственное, въ ребенкѣ, когда вы съумѣете растолковать ему, что то, что онъ дѣлаетъ, дурно по такимъ-то причинамъ, когда съумѣете убѣдить его примѣромъ, а примѣръ всегда найдется подъ руками, если вы не полѣнитесь подыскать его. По моему только въ крайности можетъ быть допущено тѣлесное наказаніе для ребенка, а безъ крайности достаточно наказаніе нравственное: накажите ребенка одиночествомъ, втолкните ему, что только порядочный человѣкъ можетъ быть терпимъ въ средѣ своихъ товарищей, и не будетъ нигдѣ лишній, а что его нельзя допустить въ общество его сверстниковъ, что вамъ самимъ за него стыдно, такъ какъ онъ неприлично себя ведетъ и проч. и проч. И все, конечно, старайтесь подтверждать собственнымъ поведеніемъ и собственнымъ примѣромъ.

Но, ради Бога, не подкупайте дѣтей; не говорите ребенку, что, когда онъ будетъ *умница*, ему дадутъ гостинцу; если онъ выучитъ урокъ, ему купятъ игрушку и т. д. По моему это ужасно безнравственно. Эти обѣщанія развиваютъ въ ребенкѣ какое-то взяточничество, корысть, приучаютъ его смотрѣть на свое поведеніе и на науку, какъ на что-то торговое, продажное, а вовсе не какъ на необходимую обязанность всякаго человѣка. «Заплатятъ мнѣ, думаетъ ребенокъ, ну я буду умница, и выучу урокъ; а если нѣтъ, такъ буду себѣ шалить и учиться не стану!» И вотъ такія-то отношенія къ ребенку, въ послѣдствіи, когда онъ попадетъ на чужія руки, ведутъ обыкновенно къ строгостямъ, къ которымъ прибѣгаютъ чужіе ребенку люди, желая, подъ видомъ ис-

правленія его, болѣе себѣ спокойствія и совершенно не интересующіеся будущей жизнію вѣреннаго ихъ надзору ребенка.

Пора наконецъ обо всемъ этомъ подумать, пора подумать о томъ, куда приведемъ дѣтей, которыхъ такъ дурно воспитываемъ, и какую тяжкую отвѣтственность принимаемъ на себя за нихъ. «Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ вѣрущихъ въ Меня, — сказалъ Христосъ, — тому лучше было бы, еслибы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею, и потопили его въ глубинѣ морской» (Матѣ. 18, 6). А что мы дѣлаемъ, какъ не соблазняемъ дѣтей, не наводимъ ихъ на грѣхъ, когда дурно воспитываемъ ихъ?...

Бльевскій.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ.

Сотворимъ человека по образу нашему и по подобію.
(Быт. 1. 26). *Умалилъ еси его малымъ чинъ отъ ангелъ.* (Пс. 86).

Человѣкъ—высшее и лучшее созданіе Творца, вѣнецъ творенія на землѣ. Изображеніе человѣка въ его совершеннѣйшихъ формахъ, идеальной красотѣ, — вѣнецъ искусства. Человѣкъ — отраженіе высочайшей, совершеннейшей красоты. Изображеніе его — священнѣйшая цѣль искусства, къ которой, по мѣрѣ силъ и средствъ, долженъ стремиться художникъ. — Человѣкъ созданъ по образу Бога: пусть же художникъ съ почтеніемъ приступаетъ къ изображенію существа столь возвышеннаго; пусть выразитъ въ его фигурѣ, въ позѣ, въ чертахъ, его высокое происхожденіе, богоподобную красоту души человѣческой.

Изображеніе человѣка было первой задачей раждающагося искусства. Выучившись порядочно чертить, лѣпить фигуру человѣка, искусство начало изображать его ближайшую обстановку: коней, дома, деревья и т. д.; человѣкъ всегда составлялъ *главный* предметъ живописи; живопись аксесуаровъ стала самостоятельною гораздо позже, а прежде была только пособіемъ при изображеніи человѣка. Живопись — животныхъ, цвѣтовъ, плодовъ, перспектива, ландшафтъ и пр., развившись въ эпоху цвѣтенія искусствъ, можно сказать, вполне совершили назначенный имъ кругъ развитія, дошли до крайнихъ предѣловъ совершенства въ technikѣ, сказали свое послѣднее слово, и окончательно замкнулись въ своихъ закон-

ныхъ границахъ, а живопись человѣка по прежнему остается главнымъ и неистощимымъ предметомъ изученія, темой для труда, источникомъ славы художественныхъ гениевъ. Живопись религіозная (и въ частности церковная), живопись историческая, міеологическая, обыденной жизни (жанръ), портретная, баталическая, аллегорія ^(а), карриатура на разные лады—изображаютъ все одинъ и тотже предметъ—*человѣка*, съ его возрастами, темпераментами, привычками, страстями, съ его обстановкой и занятіями, съ его величіемъ и униженіемъ, съ его смѣхомъ и слезами, въ его счастливыя и бѣдственные минуты, — коротко сказать: главный сюжетъ живописи есть *человѣкъ* со всѣми тревоженіями его разнообразной земной дѣятельности *отъ колыбели до гроба* и далѣе!

Насколько трудъ изучать и изображать, созданнаго по образу Божию, царя твореній выше работы смиреннаго копи-

(а) Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ родѣ живописи, нечуждомъ церкви. Нигдѣ не найдется столько сюжетовъ для аллегорій какъ въ міеологіи, потому что она сама почти вся состоитъ изъ олицетвореній. Въ древнехристіанскій періодъ искусства аллегорія была въ большемъ употребленіи, чѣмъ нынѣ: эти агнцы, голуби, фениксы, олени и пр.—все это наведенія, символы, намеки и притчи. Потомъ, за малопонятностью, этотъ способъ выраженія идеи сталъ выходить изъ употребленія. Въ нынѣшней практикѣ иконописанія удѣлѣно очень мало аллегорій: *ангелы завѣтовъ*, *лѣстница*, по которой восходятъ иноки, ратуемые демонами; на лубочныхъ картинахъ: *чистая душа*, въ видѣ царицы, стоящей на солнцѣ и пр., *человѣкъ*, держащій на головѣ кругъ, въ которомъ идетъ ожесточенная битва свѣтлыхъ и темныхъ гениевъ (инстинктовъ). Если не въ иконостаѣхъ, то на стѣнахъ и въ притворѣ, а также снаружи, гдѣ и доселѣ пишутъ притчи,—аллегоріи умѣстны, и художникъ съ изобрѣтательнымъ воображеніемъ можетъ придумать новыя и изящныя аллегорическія композиціи, напр. въ родѣ слѣдующихъ: *Исусъ, разбивающій цѣпи невольника* (Воскр. Дос. 1866. №193.); *Свѣтъ міра*, картина Англійскаго художника Гонта (Христосъ съ фонаремъ стучится у двери), и т. п.—

ровщика остальной природы, настолько, по нашему мнѣнію, живопись религіозная выше и благороднѣе другихъ отраслей искусства: живописи исторической, портретной и пр. Если упрямый Фламандецъ, съ тупымъ терпѣніемъ копирующий окорока, ярко вычищенные кастрюли, битыхъ куропатокъ и и т. п. *дичь*, называется художникомъ, то по преимуществу художникъ—тотъ, кто стяжалъ завидный удѣлъ изображать лики людей, просіявшихъ неземною мудростію, или благочестіемъ и добродѣтелію. Ясно, что высшая задача искусства — изображать святыхъ, т. е. людей наиболѣе близкихъ къ высокому идеалу чловѣка, людей, въ которыхъ вся низкая, грязная, животная сторона чловѣка подавлена, а тѣ качества, которыми чловѣкъ наиболѣе уподобляется Богу, сіяютъ во всей красотѣ своей. Свѣтскій живописецъ принужденъ изображать людей обыкновенныхъ: одни изъ нихъ на самомъ лицѣ своемъ (какъ всѣ лица нарисованы Теньеромъ) носятъ печать своего ничтожества; другіе болѣе высокіе дѣятели — отраженіе страстей, подъ вліяніемъ которыхъ они совершаютъ свои великія дѣла, свое служенію чловѣчеству. Напротивъ живописецъ церковный изображаетъ лица, дышущія не страстію, а неземнымъ спокойствіемъ, упованіемъ, благостію, любовью, глубокою мудростію, вдохновеніемъ, — величавые лики патріарховъ, изображенія пророковъ, углубленныхъ въ созерцаніе таинственного будущаго, вдохновенныхъ проповѣдниковъ Новаго Завѣта. Строгія черты Моисея ⁽⁶⁾, величавый Мельхиседекъ, благодушный старецъ Авраамъ, вдохновенныя лица Іосифа, Давида, изможденные фигуры постниковъ, смиренная красота мученицъ и отшельницъ, изображеніе сіяющаго небесною чистотою и райскимъ блаженствомъ

(6) Моисей въ Святцахъ Солнцева представленъ почему-то чловѣкомъ среднихъ лѣтъ и лицомъ подобнымъ Спасителю. Разнѣ въ томъ смыслѣ, что онъ былъ прообразъ Г. І. Христа?

лика Приснодѣвы, изображеніе Бого-младенца, Искупителя міра, прекраснѣйшаго паче сыновъ человѣческихъ: что найдется въ свѣтской живописи подобнаго этимъ предметамъ ^(в)? Невинная жизнь первыхъ человѣковъ, красота ангеловъ и младенцевъ, Магдалина, Петръ, смиренные пастыри и рыбаки — что равнаго найдется во всей области вымысла и исторіи? Историческій живописецъ на обширномъ полѣ бытописаній можетъ отыскать не мало тамъ и сюжетовъ возвышенныхъ и благородныхъ, трогательныхъ; но нѣтъ и не можетъ быть на этихъ лицахъ того небеснаго спокойствія, которое озаряетъ лица героевъ христіанства и придаетъ имъ выраженіе неземное (α — $\gamma\iota\omicron\varsigma$), красоту и спокойствіе святости.

Живописецъ, принимающійся за картину религіознаго содержанія, прежде всего долженъ помнить это. Не просто событіе историческое пишетъ онъ, а *дѣло Божіе*; не простыхъ людей-героевъ, а *святыхъ*; не портретъ, а *икону*. Многіе великіе живописцы, чтобы достойно исполнить высокій религіозный сюжетъ, приготовлялись къ тому особыми упражненіями. Испанскій живописецъ Гаргасъ постился, молился, ложился во гробъ и предавался мыслямъ о вѣчности, готовясь писать. Мурильо готовился молитвою, постомъ и чтеніемъ. Медвѣдевъ не иначе принимался писать, какъ отслушавши обѣдню ^(г). Настроеніе духа художника болѣе или менѣе всег-

(в) Богоматерь (мадонна) была предметомъ лучшихъ изображеній царей искусства: Рафаэля, Корреджіо, Мурильо, Брюлова. Рафаэль 136 разъ принимался за кисть для изображенія Мадонны. «Плодомъ послѣдняго, почти предсмертнаго вдохновенія его, была Мадонна di Sansisto, вѣнецъ Дрезденской галереи. Передъ этою Мадонной Корреджіо воскликнулъ: «и я живописецъ!» Москвитянинъ. 1852 г. № 9.

(г) Хоаннесъ долго постился, видя, что ему не удается изображеніе Богородицы, наконецъ награжденъ былъ успѣхомъ; икона эта находится въ соборѣ Валенсіи. См. Рус. Слово 1863. янв. Расказы объ Испаніи.

да отражается на его произведеніяхъ. Въ этихъ видахъ Стоглавъ предписываетъ иконописцамъ не только тщаніе въ изученіи своего искусства, но вмѣстѣ воздержаніе, добропорядочность, запрещаетъ писать иконы мастерамъ не только неискуснымъ, но также нетрезвымъ и развратнымъ. «И подобаетъ живописцамъ, говоритъ 43 глава, часто приходиться къ отцамъ духовнымъ, и во всемъ съ ними совѣщаться, и по ихъ наставленію и ученію жить, въ постѣ, молитвѣ и воздержаніи, со смиренномудріемъ, безъ всякаго зазора и безчинства. И съ превеликимъ тщаніемъ писать образъ Господа нашего Іисуса Христа и Пречистой Богородицы и святыхъ проконовъ и апостоловъ.... по образу и подобию и по существу, по лучшимъ образцамъ древнихъ живописцевъ. А который изъ живописцевъ будетъ скрывать свое ученіе отъ учениковъ, тотъ осужденъ будетъ въ вѣчную муку, вмѣстѣ съ скрывшимъ талантъ. Если кто изъ мастеровъ или учениковъ будетъ жить не по правильному завѣщанію, въ пьянствѣ и нечистотѣ, и во всякомъ безчинствѣ...., которые по сіе время писали иконы не учася, самовольствомъ, а не по образу, и тѣ иконы промѣнивали дешево простымъ людямъ, поселянамъ, невѣждамъ, то такимъ иконникамъ запретить. Пусть учатся они у добрыхъ мастеровъ.... Если будутъ они говорить, мы-де тѣмъ живемъ и питаемся, и тѣмъ словамъ ихъ невнимать, потому что по незнанію такъ говорятъ, грѣха себѣ въ томъ не ставя. Не всѣмъ людямъ иконописцами быть; много есть и другихъ ремеслъ, которыми люди кормятся, кромѣ иконнаго писанія. Божія образа въ укоръ и поношеніе не давать».

И такъ высокое положеніе религіозной живописи между остальными отраслями искусства налагаетъ на художника обязанности строгія и высокія. Въ числѣ этихъ обязанностей конечно первая — изучать фигуру человѣка, чтобы достойно изображать лучшихъ представителей человѣческаго достоин-

ства. Пусть ошибается тотъ, кто рисуетъ Венеръ, Сатурновъ, Брутовъ, Клеопатръ и т. п.; но кто по нерадѣнію и по не-искусству искажаетъ лики Приснодѣвы, Искупителя и про-роковъ, тотъ—кошунъ, святотатецъ. Моисею сказано было: *иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ* (Исх. 3, 5); маляру, осмѣли-вающимся изображать Бога, должно сказать: брось кисти и палатру! *Не приближайся сѣмо!* Ступай приготовься къ твоему высокому служенію, *и тогда принесеши даръ твой ко олтарю!* А то маляръ, едва способный писать вывѣски, и суздалецъ, не умѣющій съ натуры написать видъ своей избы, осмѣливаются изображать своей невѣжественной кистью все, что есть святѣйшаго въ религіи. *Procul profan!* У сель-скихъ иконописцевъ, даже не самыхъ плохихъ, рассмотрите любую фигуру: непремѣнно промахи противъ рисовальной азбуки: то несоразмѣрно длинныя руки и ноги, то очень большія головы, то поясъ подъ мышками, то персты сложены невозможнымъ образомъ, то колѣна либо выше, либо ниже своего мѣста.... Кого невозметъ досада на такое безобразіе! Недаромъ въ благородномъ артистическомъ негодованіи Изо-графъ Іосифъ совѣтуетъ такимъ *грубописарямъ* лучше гон-чарствовать. «Нигдѣ въ другихъ странахъ, говоритъ онъ, невидать такого безчинства, какъ нынѣ у насъ. Вездѣ по деревнямъ и по селамъ прасолы и щепетинники иконы крош-нями таскаютъ, а писаны онѣ таково ругательно, что иныя походятъ не на человѣческія образа, а на дикихъ людей. И что всего безчестнѣе, прасоль у прасола ихъ перекупаетъ, что щепѣ по 100 и по 1000 въ кострахъ; Шуяне, Холуяне, Палешане на торжкахъ продаютъ ихъ и развозятъ по заглуш-нымъ деревнямъ и вразъ на яйцо и на луквицу, какъ дѣтямъ дувки, продаютъ, а большей статьею на опойки и на всякую рухлядь мѣняютъ»^(а).

(а) Изъ ст. Буслаева въ Русск. Вѣстникѣ Т. XVI. 1858 іюль. Ки.

Обыкновенная отговорка недоучекъ, лѣнливцевъ: про кого стараться? Кто что знаетъ? Кто можетъ понимать?—Эта отговорка не имѣетъ смысла. Неужели въ храмѣ, который украсили, или лучше сказать, обезобразили вы, во все время его существованія не побываетъ ни одного знающаго? Неужели простой народъ (положимъ и дѣйствительно мало-знающій) не можетъ видѣть и судить нисколько? Вѣдь эстетическое чувство, вкусъ, не пріобрѣтается воспитаніемъ, а только образуется или искажается; это даръ природы, а она, какъ извѣстно, не давала никогда никакихъ привилегій аристократамъ надъ плебеями и наоборотъ. Простое чувство простолюдина можетъ иной разъ лучше опредѣлить достоинство художественнаго произведенія, чѣмъ забитое всяческими теоріями разумѣніе такъ-называемыхъ знатоковъ и цѣнителей искусства.

Повторимъ прежнее положеніе: живописецъ, уважающій свое искусство и занятіе, долженъ цѣлый вѣкъ учиться, какъ и гдѣ можетъ. Неизвѣстный авторъ греческаго руководства къ иконописанію—*Ерминія* (рукопись XVII в.) настаиваетъ на изученіе древнихъ образцовъ и великихъ произведеній Панселина. «Знай, любознательный ученикъ, что когда ты пожелаешь заняться этимъ искусствомъ, то напередъ постарайся найти опытнаго учителя, а если это не удастся тебѣ, то отыщи древніе образцы этого искусства, и долго упражняйся въ перерисовкѣ ихъ. Потомъ ступай въ древнія церкви, расписанныя Панселиномъ, и отподоби тамошнія изображенія... Но не дѣлай своего дѣла просто, и какъ пошло, съ небреже-

2-я: Подлинникъ по редакціи XVIII вѣка. Съ этимъ показаніемъ стариннаго иконописца любопытные могутъ сравнить статейку о нынѣшнемъ состояніи иконописанія въ слободѣ Мстера. Воск. Досуг. 1867 г. Потомки недалеко ушли отъ своихъ до-петровскихъ предковъ!

ніемъ и неблагоговѣніемъ, а со страхомъ Божиимъ и благоговѣйно; ибо дѣло твое есть дѣло священное и божественное». (См. Труды Кіевс. Д. Акад. 1867. іюль. Ст. Пресев. Порфирія).

Не мѣшаетъ также учиться рисовать съ натуры. Нѣкоторые очень неблагосклонно смотрять на рисованье съ натуры, на изученіе натуры, на натурщиковъ. Какъ можно, восклицаютъ они, писать святыхъ съ людей обыкновенныхъ? Конечно, такое мнѣніе вызвано крайностями, вольностью иныхъ художниковъ. Такъ напр. Рубенсъ подъ видомъ св. Семейства срисовалъ себя, жену и пр. Еще Сазонарола упрекалъ флорентинцевъ за то, что алтари ихъ церквей украшены портретами куртизанокъ подъ священнымъ именемъ Мадонны. Но вѣдь изъ-за злоупотребленія еще не слѣдуетъ бросать хорошую вещь. Притомъ художникъ — не фотографъ: онъ, срисовывая положеніе головы, тѣнь и пр., воленъ и можетъ разнообразить до безконечности выраженіе, *идеализировать* земное до божественнаго. Тѣмъ и отличается художникъ отъ чернорабочаго въ искусствѣ, что онъ въ состояніи найти въ глубинѣ своего духа то, чего нѣтъ ни на какой модели; нѣсколькими чертами, штрихами, придать лицу, взгляду—ту мысль, то чувство, которое хочетъ.

Рядомъ съ вопросомъ о вѣрности природѣ идетъ вопросъ о согласіи фигуры и выраженія съ идеею святыни, съ типомъ данной категоріи (преподобный, мученикъ, апостолъ, пророкъ и т. д.) и характеромъ изображаемаго лица. Такимъ образомъ отшельникъ, аскетъ, дебелый, румяный, будь написанъ превосходною кистью, не приличенъ; подпишите подъ нимъ какое нибудь другое имя—это будетъ хорошая картина, но съ именемъ подвижника это дурная икона. Съ другой стороны щедушная фигура съ надписью: С. М. Кирикъ; С. Ц. Димитрій—опять не натуральна, не естественна. Любители

старины, особенно раскольники и старообрядцы, не одобряютъ, не любятъ иконы живо-написанныя, т. е. такія, на которыхъ лица имѣютъ естественную бѣлизну, глаза—естественный взглядъ, блескъ, ланиты—естественный румянецъ. Мы находимъ всего удобнѣе отвѣчать такимъ любителямъ старины словами стариннаго иконописца (изографа) Іосифа, изъ его сочиненія, посвященнаго живописцу Симону Ушакову, въ которомъ онъ защищаетъ необходимость красоты въ священныхъ изображеніяхъ: «гдѣ таково указаніе, говоритъ онъ, изобрѣли несмысленные любопрители, которые одною *формою* смугло и темновидно святыхъ лица писать повелѣваютъ? Весь ли родъ человѣческій во едино обличье созданъ? Всѣ ли святые тощи и смуглы были? Если и имѣли они умерщвленные члены здѣсь, на землѣ, то тамъ, на небесахъ, оживотворены и просвѣщены явились они своими душами и тѣлесами.... Въ изображеніи Благовѣщенія.... Архангелово лицо пишется свѣтовидно и прекрасно, юношеское, а не зловидно и темнообразно. Въ изображеніи Рождества Христова видимъ Матерь сѣдящу, Отроча же въ яслехъ младо лежащее, а если Отроча младо, то какъ же можно лице Его мрачно и темнообразно писать? Напротивъ того, всячески подобаетъ Ему быть бѣлу и румяну.... Когда великій во пророцѣхъ Моисей принялъ на Синаѣ отъ Господа законъ и сошелъ съ горы, держа въ рукахъ скрижаль, начертанную перстомъ Божиимъ; тогда сыны Израилевы не могли взирать на лице Моисеево, отъ свѣтлости бывшія на немъ, и Ааронъ (sic) возлагалъ покрывало на главу его, и такъ съ нимъ говорили Израильтяне. Неужели и лице Моисеево писать мрачно и смугло, по твоему обычаю, Плѣшковичъ, и по твоей любви къ темнообразію и очадѣлымъ лицамъ? Не была ли прекрасна перваго христіанскаго царя мать благородная Елена царица? Римскихъ царей исторія повѣствуетъ о ней, что

во всей Италіи не нашелъ лучше ея отецъ Константина Великаго. Таковы же страстотерпцевъ образы, великомучениковъ Георгія и Димитрія и Θεодора. Преславная великомученица Екатерина, по красотѣ и свѣтлости лица своего такъ названа была отъ Еллиновъ — тезоиминитая небесной лунѣ. И о великомученицѣ Варварѣ сказано, что не бывало въ чело-вѣкахъ такой красоты, подобной ангельскому виду...»

Плѣшковичъ говорилъ, что благообразныя иконы приводятъ въ соблазнъ. Благороднымъ негодованіемъ дышетъ рѣчь благочестиваго художника, заступающагося за глубоко оскорбленное достоинство чело-вѣка, противъ гнусныхъ подозрѣній грязнаго невѣжества. «Какъ не страшишься ты, о, недостойный, восклицаетъ онъ, взирать на блаженные лики и соблазнъ помышлять въ сердцѣ своемъ? Истинному и благочестивому христіанину, и на самыхъ блудницъ взирая прельщаться не подобаешь, а не то, что на благообразное живописаніе разжигаться! Последняго безсражія се помышленіе и конечнаго нечестія, еже кому отъ иконъ соблазнитися! Тѣлесно, а не духовно такъ они помыслили въ своемъ неразуміи, злоба ослѣпила ихъ! О таковыхъ великій Павелъ вопіетъ: *ходяй убо по плоти плотская мудрствуетъ, ходяй же о дусѣ — духовная*...»^(е)

Авторъ греческаго наставленія къ иконописанію (около 1566 г.) говоритъ: «ученикъ! знай, что на лица Богоматери и святыхъ, которые были молоды, должно наводить румянецъ... Губы и уста у святыхъ молодыхъ рисуй болюсомъ и тѣлеснымъ колеромъ, также наводи и румянецъ. А у старцевъ клади сперва *тонкую онхру*, а потомъ болюсомъ, — это приличіе имъ. И т. д.»^(ж)

(е) Рус. Вѣст. 1858 июль кн. 2. ст. Буслаева: Рус. Подлинникъ XVIII в.

(ж) Труды Кіев. д. акад. 1867 июль.

Надѣмся, что слова нашего стариннаго иконописца настолько основательны и убѣдительны, что нѣтъ нужды прибавлять къ нимъ что нибудь отъ себя; но позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о частностяхъ.

1). Иконописцы пишутъ всѣхъ святыхъ, которыхъ слѣдуетъ одарить красотою (въ общепринятомъ смыслѣ), по какому-то однообразному условному типу: Арх. Михаилъ, Георгій Побѣдоносецъ, Варвара, Параскева, Екатерина и пр., всѣ на одинъ манеръ! Это обыкновенно очень круглое лицо, желтоватый колеръ, русые волосы, тусклые простоватые глаза, правильныя, но безжизненныя черты... «Весь ли родъ человѣчскій во едино обличье созданъ?» Повторимъ мы за изографомъ Іосифомъ?

2). Живописцы стараются разнообразить типъ; но отъ этого исканія разнообразія, отъ усилій быть новыми и оригинальными, они иногда (неумышленно конечно) впадаютъ въ искусственность. Отъ этого мужчины выходятъ лихо причесанные, завитые, подстриженные, словно сорвались съ модной картинки. .. Женщины (объ исключеніяхъ, о работѣ великихъ художниковъ не говоримъ) обыкновенно красоты ослабительной: цвѣтущее лицо, необыкновенно выразительные глаза, роскошные волосы, къ дѣлу и не къ дѣлу распущенные, великолѣпный торсъ, богатое платье со множествомъ украшеній, камней и т. п.

Мученики Іустинъ, Георгій, Димитрій Селунскій и др., мученицы Екатерина, Варвара, царица Александра должны отличаться строгою красотою, выраженіемъ обширнаго ума, спокойнаго и здраваго мышленія, цѣломудренной, сдержанной силы воли, разумнаго, тихаго, но непреклоннаго рѣшенія подъ вліяніемъ глубоко обдуманной и прочувствованной идеи. Къ этимъ мужественнымъ душамъ не пристали тѣ излишнія мелочи, коими обременяютъ ихъ иногда неразумитель-

ные живописцы: завитые волосы, сережки, запонки, груди бисера и драгоценных камней! Задумчивое выраженіе, глубокий взглядъ, высокая и строгая простота одѣянія—вотъ отличительныя черты этого типа ⁽³⁾.

Вообще мученицъ не слѣдуетъ писать съ какой-то обыденной красотою, съ безпечнымъ выраженіемъ въ лицѣ, съ вѣтреннымъ самодовольствомъ фizioноміи, какъ пишутъ иной разъ живописцы; не слѣдуетъ также изображать мученицъ въ изящномъ нарядѣ. Глубокая дума и высокое чувство не земнаго поглощали всецѣло ихъ нравственныя силы. Не до мелочей было этимъ возвышеннымъ душамъ при видѣ окружающей суеты, при мысли о красотѣ и славѣ невидимаго и грядущаго, котораго недостойны страсти нынѣшняго времени. Несравненно понятнѣе, чѣмъ наше слабое слово, выяснять это настроеніе возвышенныя строфы нѣкоторыхъ пѣсней церковныхъ. Напримѣръ: «Господи, яже во многія грѣхи впадшая жена, твое ощутившая Божество, Мироносицы взявши чинъ, рыдаючи миро Тебѣ прежде погребенія приносить, увы мнѣ, глаголющи! Яко ночь мнѣ есть разженіе блуда невоздержанна, мрачное же и безлунное раченіе грѣха!... Прими моя источники слезъ, Иже облаками производяи моря воду; приклонися къ моимъ воздыханіемъ сердечнымъ, приклонивый небеса неизреченнымъ твоимъ истощаніемъ! да облобыжу пречистей твои нозѣ, и отру сія паки главы моя влася, ихже въ рай Ева, по полудни шумомъ уши огласивши, страхомъ скрыся.... Грѣховъ моихъ множества и судьбъ твоихъ безд-

(3) Образчикъ того, какъ бы желательно изображать мученицъ, см. въ Странникѣ 1867 года (май), въ статьѣ св. Матвѣевскаго, изображеніе (съ древней фрески) *Св. м. Анессы*. Множество драгоценныхъ камней на ея уборѣ не имѣетъ ничего общаго съ тѣми грудами стеклышекъ и мишуры, конми заваливаютъ свои драпировки безвкусные писаки.

ны кто изслѣдитъ? Душеспасче, Спасе мой! да мя Твою рабу не презриши, иже безмѣрную имѣя милость.» (Страстной среды — утро. Твореніе Кассіаны инокини). Какая ширина поэтической мысли! Какая глубина чувства, истинно женскаго! Какіе чудные образы! — «Женише мой сладчайшій Христе! взываше Февронія, — не трудно мя тещи во слѣдъ Тебе: ибо сладость любви твоя душа мою надеждою вперѣ, и красота милости Твоя сердце мое улади, — испити чашу страданій по Тебѣ....» (Конд. 25 іюня.) — «Сія глаголетъ Параскева къ мучителю: враже, нечестивый игемоне! что неистовствуешь на христіаны? ни царства у тебе отъяхъ, ни града твоего разорихъ: но буйми словеса увѣщати мя помышляеши! — Азъ тебе небрегу, ни твоихъ безумныхъ глаголь, плоти бо не щажду за Христа моего, зане Онъ любитъ мя и царство мнѣ даруетъ: къ Нему пойду и Того буду невѣста, и Той мя спасетъ отъ рукъ врагъ моихъ, и даруетъ ми жизнь вѣчную!» (Минея 28 октября).

Вотъ, еслибы такое настроеніе духа сѣумѣлъ выразить художникъ, то и самые заклятые враги красоты, выразительности, живописности не нашлись бы что сказать въ осужденіе.

Другой предметъ, за который противники живописи, иногда справедливо, любятъ упрекать ее — это нагота, особенно нагота безъ нужды. Прежде нежели приступимъ къ этой матеріи, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, касающихся историческаго хода этого вопроса.

А). Древнія статуи, барельефы постоянно представляютъ или вовсе обнаженные фигуры, или обнаженные настолько, насколько обстоятельства позволяли, часто безъ всякой нужды; не только извѣстныя всему свѣту группы: Лаокоонъ, Фарнезскій быкъ, Адонисъ и Венера, статуи: Аполлонъ Белведер-

скій, Гладіаторъ, Юноша, вынимающій занозу, и др., но даже изображенія богинь представляли обнаженныя фигуры ⁽¹⁾.

Б). Римское искусство никогда не было самостоятельно и приняло на вѣру всѣ преданія, условныя формулы и эстетическія воззрѣнія, выработанныя цвѣтущею эпохою греческаго искусства.

В) Древне-христіанское искусство, воспитавшееся на почвѣ преданій классическаго, тоже не пренебрегало наготою. Въ живописи катакомбъ и на барельефахъ саркофаговъ очень не рѣдки обнаженныя фигуры: Адамъ и Ева, Даніиль во рву львиномъ, Іона подъ тыквой и пр. т. п.

Г) По мѣрѣ того, какъ христіанство начало болѣе и болѣе распространяться и заявлять свою власть надъ міромъ умственнымъ и нравственнымъ, а классическія преданія искусства уступать новымъ воззрѣніямъ,—нагота фигуръ стала постепенно исчезать. Въ долгій періодъ отъ Юстиніана до такъ называемаго «вѣка возрожденія искусствъ» изученіе природы

(и) Это общее обыкновеніе художниковъ могло происходить отъ разныхъ причинъ:

1) Благорастворенный воздухъ, прекрасное солнце Іоніи, сравнительная рѣдкость дождей, позволяли древнимъ довольствоваться самою легкою одеждою, ходить полуобнаженными большую часть года. Бѣднякъ по нуждѣ, богатый по изнѣженности,—оба, благодаря прекрасному климату, не стѣсняли себя множествомъ одежды, довольствовались хитономъ и мантией и рѣдко прибѣгали къ теплому шерстяному плащу (*χλαίμα*). А на гимнастическихъ играхъ, во время работы, въ домашнемъ быту и на разгульных симпосіяхъ и хитонъ разстегивался и спускался до пояса съ одного или съ обоихъ плечъ. Рабочіе классы употребляли короткій и безрукавый хитонъ: *χιτωνίσκος*, *Tunicula*. 2) Этотъ обычай подвергать тѣло благотвѣльному вліянію воздуха, а главное,—любовь Грековъ ко всевозможнымъ гимнастическимъ упражненіямъ, развивавшимъ мускулы, придавали ихъ сложенію удивительную красоту, гармонію, совершенство формъ. Дряблѣе тѣло

упало до самой низкой степени, а аскетическое направленіе средневѣковыхъ богослововъ и художниковъ изгнало наготу почти совсѣмъ. Даже Распятого стали изображать въ хитонѣ вопреки ясному показанію евангелія.

Д. Наступила пора возрожденія искусствъ. Художники съ жаромъ бросились на изученіе остатковъ античнаго искусства, и подъ вліяніемъ великихъ произведеній древности, а отчасти по закону реакціи предшествовавшему направленію, пустились писать обнаженное тѣло гдѣ къ дѣлу, а гдѣ и безъ всякой нужды и законной причины, тагъ себѣ, ради античности и оригинальности. Этимъ особенно отличалась живопись итальянская и французская. Искусство Германское, Испанское, Фламандское, возросшее внѣ вліянія классическихъ образцовъ, менѣе подверглось этой крайности. Испанскіе художники даже отличались цѣломудренною строгостію драпировки: ихъ ангелы, мадонны, мученицы всегда закрыты съ

современнаго Европейца, моренное въ темницѣ нѣсколькихъ теплыхъ одеждъ, приводитъ въ отчаяніе скульпторовъ, когда они сравниваютъ чахлые современные субъекты съ великолѣпіемъ античныхъ статуй и мощнымъ развитіемъ мускулатуры Негра. 3) Народъ Греческій по преимуществу отличался эстетическимъ талантомъ. Счастливыя природныя способности, развиваемыя постояннымъ созерцаніемъ красотъ природы и великихъ произведеній искусства, дали Элліну тотъ высоко-художественный вкусъ, которымъ онъ превысилъ всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ. Какъ мы замѣчаемъ легко мельчайшіе оттѣнки красоты и вкуса въ одеждѣ, такъ древніе, ходившіе полуобнаженными, замѣчали изящное положеніе тѣла. Отъ того приемы древнихъ статуй всегда изящны; отъ того контуры новѣйшихъ статуй либо жестки, либо животны. Вотъ причина неподражаемости древней скульптуры. (Библіот. для Чт.Т. IX 1835. Эбсанбуль, нубійскія сцены). Художники, вышедшіе изъ среды такого народа — художника, естественно любили воспроизводить то, что видѣлъ и любилъ народъ: прекрасныя линіи обнаженнаго человѣческаго тѣла, по возможности, безъ всякихъ преградъ.

головы до ногъ одеждою, такъ что и ступни не видно. Того требовалъ суровый и мистическій вкусъ народа ⁽¹⁾.

Послѣ этого краткаго обзора мы находимъ возможнымъ высказать нѣсколько выводовъ и положеній касательно занимающаго насъ вопроса на основаніи выше-изложеннаго.

1) Вездѣ, гдѣ интересы искусства ставили выше всего, (въ Греціи, въ Италіи), художники любили изображать обнаженныя фигуры, потому что нѣтъ для художника интереснѣе, труднѣе и прекраснѣе воспроизведенія формъ совершеннѣйшаго изъ твореній.

2) Вездѣ, гдѣ художественное направленіе было въ подчиненіи религіозному (Византія, Испанія) художники избѣгали наготы.

3) Тамъ, гдѣ нагота въ дѣйствительной жизни дѣло привычное (Италія, Греція), и въ живописи считаютъ ее дѣломъ приличнымъ, тогда какъ сыну туманнаго Альбіона Микель-Анжеловъ «Страшной судъ» напоминаетъ торговую баню.

Нашему русскому православному иконописцу конечно не слѣдуетъ подражать въ этомъ случаѣ Грекамъ, Итальянцамъ. Даже для свѣтской русской живописи неудобно такое подражаніе, потому что вслѣдствіе климатическихъ условій, заставляющихъ насъ плотно покрывать все тѣло, исключая лице и руки, — для насъ красота человѣческаго тѣла не столь знакома, какъ напримѣръ, Итальянцу. Эти волнистыя, лющіяся линіи, округлости и неровности, по достоинству столь цѣнимыя художникомъ, для насъ мало знакомы; значить ни живописецъ нашъ не знаетъ чѣмъ особенно блеснуть, ни зритель непонимаетъ изящества изображеній. *Ignoti nulla cupido*. Значить свѣтскому живописцу нечего попусту тратить усилія, — это съ одной стороны. Съ другой — въ понятіи

(1) См. Кар. Гал. Европы 1864 № 2. — Объ иконописаніи. Москва 1845 г. —

яхъ о приличіи и красотѣ у древнихъ съ новыми, у южныхъ съ сѣверными народами существуетъ большая разни́ца ^(к). Но если приличіи и обыкновенія страны должнѣ уважать даже свѣтскій живописецъ, воздерживаясь отъ рисованія наготы человѣческой, — не гораздо ли строже должно требовать такого воздержанія отъ русскаго иконописца: его произведенія должны быть строго согласованы съ нравственными воззрѣніями народа, для котораго онъ пишетъ, тѣмъ паче, что вообще православная церковь назначаетъ иконы не для удовлетворенія художественнаго вкуса, а для благоговѣйнаго почитанія ихъ.

Такъ, мы полагаемъ, что чѣмъ менѣе нашъ художникъ иконописецъ выставляетъ на видъ нагое тѣло, тѣмъ лучше сдѣлаетъ. Впрочемъ, гдѣ слѣдуетъ и должно, не надобно скрывать тѣло, но рисовать его достойно, изящно. Открытыя шеи, обнаженные до плечъ руки, нагота младенцевъ — не возмутятъ вкусъ самыхъ взыскательныхъ ригористовъ. Изображая первыхъ человѣковъ въ ихъ невинномъ состояніи, страданія мучениковъ, крестныя муки Искупителя, мы не вправѣ рисовать одежду, гдѣ ея не было, но обязаны изображать не кое-какъ, а тщательно, съ любовію и знаніемъ дѣла.

Свящ. В. Владимірскій.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ ВУДЕТЬ.)

(к) См. Картины Италіи Ковалевскаго: Отеч. Зап. 1858 г. январь и февраль. Лекція Лолы Монтесъ: Сынъ От. 1861. № 12.

ТРИ ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

1. Княгиня Елизаветъ Ростиславлевна Вяземской.

Христосъ воскресе, *уже преданъ бытъ за беззаконія наша, и воста за оправданіе наше!* Да приметъ Онъ покаяніе ваше; да очиститъ слезы ваши; да даруетъ вамъ благодать и радость. Если чувствуете, что не имѣете слезъ чистыхъ, приносите Ему, какія есть; только Ему приносите. Кто же очищаетъ наше нечистое, какъ не Онъ? Жалуйтесь Ему на себя, что не о грѣхахъ плачете, а о скорби. Сію жалобу приметъ Онъ, какъ жертву. Впрочемъ, да даруетъ Онъ вамъ умиленіе чистое, и неизвѣстную для меня скорбь да прекратитъ и отвратитъ. Милость ваша въ богадельню послана. Тамъ будутъ молиться за васъ. Наконецъ и крестъ возвращаю, со вложеніемъ новой частицы къ прежнимъ. Благодать Господа и молитвы святыхъ Его съ вами. Благословеніе Отца небеснаго и чадомъ вашимъ.

Марта 28. 1825.

2. Къ ней же.

Миръ и благословеніе отъ Господа рабъ Его княгиня Елизаветъ! На прошедшихъ дняхъ съ о. Филаретомъ, котораго и вы знаете, и который довольно искушенъ, чтобы совѣты его принимать со вниманіемъ, говорили мы объ одномъ монахѣ, который говоритъ, что монаху стыдно лечиться. Я замѣтилъ на сіе: не лучше ли смириться, и признать себя недостойнымъ особенной помощи Божіей, и просить, чтобъ она послана была чрезъ обыкновенное посредство врача, котораго *Господь создалъ, и врачеваній, которыя также Господь создалъ, и мужъ мудрый не возмущается ими* (Ис Сир. гл. 38). А Филаретъ сказалъ, что отцы совѣтуютъ уединеннымъ пустынножителямъ не лечиться, а предавать себя единственно въ волю Божію, а живущимъ въ обществѣ принимать врачеваніе. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ сего разговора я узналъ, что ваше сіятельство не хотите прини-

мать лекарствъ: и мнѣ тотчасъ пришло на мысль сообщить вамъ случившійся между нами разговоръ. Не имѣю времени ни слова болѣе написать. Господь да исцѣляетъ васъ и сохранить какъ вѣдаетъ, о чемъ молю Его.

Сп.-б. марта 30, 1823.

3. Къ ней же.

О имени Господа нашего Иисуса Христа рабъ Его, княгинѣ Елизаветѣ, прощеніе, миръ и благословеніе! Прощенія прошу вамъ отъ Господа, въ чемъ вы отъ Него себѣ просите; а мнѣ за себя прощать васъ не въ чемъ. Желаю, чтобы ваше предъ Нимъ признаніе было чисто и просто, а Его прощеніе вамъ полно и совершенно, и чтобы вы, съ миромъ совѣсти, и радостію духа, вкусили Его благодати во святомъ Таинствѣ. А я долженъ признаться, что изъ вашего письма получилъ наставленіе просить у васъ себѣ прощенія, что недавно забылъ сдѣлать, имѣвъ случай, — можетъ быть, потому, что сердце мое не зазірало мнѣ ни въ какой неблагопріятной противъ васъ мысли; но я все неправъ, потому что слова мои имѣютъ нужду въ прощеніи, котораго и прошу теперь во всякомъ словѣ гниломъ, какое по недостойнству моему сказалъ я вамъ вмѣсто здраваго.

Изнemoженіе и уныніе ваше мнѣ представляется, и какъ будто чувствуется: приношу оное предъ Отца всякаго утѣшенія; но Онъ одинъ знаетъ, когда время утѣшенію и въ какую мѣру. Черезъ скорбь, или чрезъ утѣшеніе, только да совершается въ васъ, и въ самой немощи вашей, Его спасительная сила! Разрѣшается иногда уныніе разсмотрѣніемъ, отъ чего оно происходитъ. Не надобно отдаваться ему по волѣ, или по небреженію; но когда оно намъ посылается, можно приносить оное въ жертву Господу также какъ и радость.

О діаконѣ сказать теперь ничего не могу. Дѣло въ консисторіи. Просителей много, не знаю еще, удовлетворилъ ли я сиротъ. Вы поступили по закону челоуѣколюбія и потому правы; мнѣ должно стараться быть правымъ и предъ закономъ челоуѣколюбія, и предъ закономъ справедливости.

С.-П.-Б. марта 6, 1823 г.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНИКА

УСЪКНОВЕНІЯ ГЛАВЫ КРЕСТИТЕЛЯ ГОСПОДНЯ ІОАННА.

Пророкъ, предтеча, креститель, сродникъ Господень, мужъ великій словомъ и дѣломъ, *болій* котораго, по свидѣтельству Христову, *не воста въ рожденныхъ женами* (Мат. 11, 11), котораго самъ Иродъ уважалъ, съ сладостію слушалъ и слушался (Марк. 6, 20), сей самый мужъ, великій Іоаннъ, по повелѣнію того же самаго Ирода, былъ взятъ, связанъ и посаженъ въ темницу. За что? *Иродіады ради жены Филиппа, брата Иродова*, отвѣчаетъ евангелистъ (Мат. 14, 3). Іоаннъ говоритъ Ироду: *не достоинъ ти имѣти ея* (4), говоритъ такъ потому, что у Ирода была жена, которую онъ прогналъ для Иродіады; братъ его Филиппъ, по одному древнему свидѣтельству (Іос. Флав.), былъ еще живъ, а еслибъ и умеръ, то умеръ не бездѣтный, и слѣдственно законъ ужичества не имѣлъ здѣсь мѣста. Особенно же злобствовала Иродіада. Иродъ тогда же хотѣлъ убить Іоанна, но побоялся народа, *зане яко пророка его имѣяху* (5).

Спустя нѣсколько времени послѣ сего событія, по случаю дня рожденія Ирода, былъ у него пиръ; на пиру дочь Иродіады плясала, и пляскою такъ угодила Ироду, что онъ съ клятвою обѣщалъ ей дать все, чего ни попроситъ, *и до полцарствія* (Марк. 6, 24). Плясавица, по наущенію матери, потребовала главы Іоанна Крестителя. *Печаленъ бысть царь: клятвы же ради и за возлежащихъ съ нимъ, повелѣлъ дати. И пославъ усъкну Іоанна въ темницъ* (9. 10).

Такова исторія праздника усъкновенія главы крестителя Господня Іоанна! Исторія весьма поучительная! Много возбуждаетъ она размышленій, много даетъ уроковъ.

Іоаннъ пострадалъ за истину, за то, что обличалъ беззаконіе Ирода и Иродіады. Примѣръ не единственный въ исторіи церкви. За что гонимы были пророки, апостолы, многіе святители и другіе святыя? За то, что они говорили современникамъ своимъ правду, обличавшую ихъ заблужденія и нечестіе. За что преслѣдовали книжники и фарисеи Господа нашего Іисуса Христа? За то преимущественно, что Онъ обличалъ ихъ лицемеріе, суевѣріе, жизнь, несогласную съ закономъ Божиимъ. И было ли когда время, когда бы обличеніе заблуждений и пороковъ человѣческихъ не навлекало на обличителей какихъ-нибудь непріятностей, а иногда гоненій, бѣдствій, даже смерти? Обратимся къ себѣ. Съ любовію ли, съ благодарностію ли, по крайней мѣрѣ, терпѣливо ли слушаемъ мы обличеніе нашихъ неправыхъ мыслей, незаконныхъ дѣлъ, худой жизни? Нельзя сказать, чтобы совсѣмъ не было смиренно, благодарно, съ пользою слушающихъ слово обличенія: но подобно признаться, что такихъ мало, а большая часть не любитъ, не терпитъ обличающей ихъ правды, не терпитъ не только тогда, когда правда говорится имъ съ намѣреніемъ исправить ихъ, не терпитъ обличенія не только строгаго, но и кроткаго, обличенія не только отъ низшихъ и равныхъ, но и отъ тѣхъ, которые имѣютъ преимущественное право обличать, какъ-то: отъ родителей, начальниковъ, старшихъ себя, пастырей церкви, даже духовныхъ отцевъ. Бывали примѣры, что обличеніемъ разрывались узы родства, дружбы, самыхъ благородныхъ и священныхъ отношеній, и тамъ, гдѣ были дружба и любовь, водворялись холодность, вражда и ненависть со всѣми ихъ слѣдствіями. Печальная истина!

Что выходитъ отсюда? То, что одни, избѣгая разнаго рода непріятностей, не говорятъ истины, даже лестію поддерживаютъ ближняго въ заблужденіи и неправдѣ; другіе, не слыша обличенія, по невѣдѣнію, а чаще по привычкѣ, не желая разстаться съ сладостію грѣха, или просто съ принятымъ положеніемъ, продолжаютъ оставаться въ заблужденіи и нечестіи; чувство истины и добра постепенно грубѣетъ въ нихъ; голосъ совѣсти слабѣе и слабѣе слышится ими; открывается для нихъ опасность нравственнаго ожесточенія,

или даже образуется самое ожесточеніе. Въ обществѣ обезсильваются чувство и потребность правды; оскудѣваютъ любовь къ ближнему, взаимная откровенность и довѣренность; усиливаются уклончивость, лицемеріе, лесть, лукавство; растутъ взаимная холодность, подозрительность; образуется кругъ неискреннихъ, сухихъ, корыстныхъ взаимоотношеній, въ который съ малыхъ лѣтъ, сами часто не замѣчая того, втягиваемся, и къ которому привыкаемъ, отвыкая въ то же время отъ свидѣтельствванія и принятія истины. Великое зло!

Откуда происходитъ такая нелюбовь многихъ къ обличающей ихъ правдѣ? Нельзя сказать, чтобы кто-нибудь не любилъ истины, еще менѣе можно сказать, чтобы кто-нибудь не желалъ спасенія. Послѣ сего, казалось бы, какъ не любить, не желать даже того, что возбуждаетъ насъ отъ грѣховнаго сна, снимаетъ покровъ съ глазъ нашихъ, тревожитъ совѣсть, движетъ волю къ исправленію жизни, какъ не любить, не желать обличенія? Такъ это и бываетъ съ тѣми, въ комъ желаніе истины и спасенія сильнѣе всего. Но сколько такихъ, которые находятся подъ вліяніемъ ложныхъ убѣжденій, въ распоряженіи порочныхъ склонностей и страстей! Въ такихъ людяхъ сильнѣе всего ихъ убѣжденіе, ихъ страсть; они охотно слушаютъ правду, но до тѣхъ поръ, пока правда не входитъ въ противорѣчіе съ ихъ убѣжденіями, не тревожитъ господствующей въ нихъ страсти; но какъ скоро правда говоритъ противъ ихъ убѣжденія, обличаетъ живущую въ нихъ страсть, тогда имъ трудно бываетъ выносить обличеніе; съ ними, при обличеніи, происходитъ то же, что происходитъ съ больнымъ, когда неосторожно касаются въ немъ больного мѣста,—движеніе нетерпѣнія, досады, гнѣва, мщенія. Такимъ образомъ главная причина нелюбви многихъ къ обличеніямъ, есть дѣйствіе въ нихъ какого-нибудь ложнаго убѣжденія и преимущественно какой-нибудь страсти, которыхъ имъ оставить не хочется. *Обличеніе нечестивому раны ему, говоритъ премудрый. Не обличай злыхъ, да не возненавидятъ тебе: обличай премудра и возлюбитъ тя* (Притч. 9, 7. 8). Іоанна уважалъ и съ сладостію слушалъ Иродъ, но когда слово истины коснулось нечестія Иродова,

того, чѣмъ болѣла душа Ирода, и съ чѣмъ ему и Иродіадѣ разстаться не хотѣлось, тогда уязвленные развратъ и гордость сильно возстали противъ Іоанна.

Да узнаетъ отсюда всякій, не любящій слушать обличеній, что въ душѣ его непремѣнно есть сильный недугъ, какое-нибудь ложное убѣжденіе, или скорѣе какая-нибудь страсть, и потому немедленно нужно взять ему рѣшительныя мѣры, если не хочетъ, чтобы недугъ привелъ его къ горькимъ послѣдствіямъ. Свойство страсти влечъ человѣка къ удовлетворенію требованій своихъ, постепенно ослѣпляя неосторожнаго. Человѣкъ сначала съ отвращеніемъ внимаешь ей, ужасается дѣла, которыхъ требуетъ она, стыдится удовлетворять ей, но разъ ступивъ на стезю грѣха, онъ часто не въ силахъ бываетъ сойдти съ нея, идетъ дальше влекомый страстью, теряетъ, наконецъ, всякій стыдь. Въ этомъ состояніи онъ уже не останавливается на половинѣ пути, стремится исчерпать зло, какое замыслилъ, до дна, никакого предѣла, никакого закона, никакой святости не знаетъ, никакого противорѣчія не терпитъ. Если кто станетъ удерживать, обличать его, онъ возненавидитъ того, и, если имѣетъ силу такъ или иначе освободиться отъ него, непремѣнно постарается освободиться, хотя бы это стоило великой жертвы. *Уловимъ праведнаго, яко непотребенъ намъ есть, и противится долгомъ нашимъ, и поноситъ намъ грѣхи закона, и злословитъ намъ грѣхи ученія нашего, возвыщаетъ намъ разумъ имѣти Божій. Бысть намъ во обличеніе помышлений нашихъ. Тяжескъ есть намъ и къ видѣнію. Досажденіемъ и мукою истязимъ его, смертію поносною осудимъ его* (Премудр. 2, 12—15. 19. 20). Таковъ голосъ страсти! Іоаннъ былъ въ темницѣ. Иродіадѣ, этому олицетворенному разврату и злобѣ, мало было сего. Она требовала главы Іоанна, и получила ее. Какъ бы иное худое дѣло, иное худое состояніе ни представлялись нравственно невозможными, но, подъ вліяніемъ страсти, человѣкъ рано или поздно, придетъ къ нему, если особенно откроется случай къ тому.

Иродъ держалъ Іоанна въ темницѣ; но страхъ человѣчскій, можетъ быть и совѣсть еще не допускали его убить

праведника. Пляска дщери Иродіадиной вырываетъ у него необдуманное обѣщаніе; за обѣщаніемъ слѣдуетъ требованіе исполненія обѣщаннаго; опечалился царь отъ неожиданнаго требованія: но обѣщаніе дано съ клятвою, дано въ присутствіи другихъ, — заговорила такъ многихъ губящая ложная честь, и Иродъ *пославъ ускниу Іоанна въ темницю*. Вотъ что сдѣлалъ пиръ! вотъ что сдѣлала пляска! вотъ что сдѣлало необдуманное данное слово! вотъ что сдѣлалъ одинъ случай! Какъ много значить случай въ жизни человѣческой, случай иногда самый маловажный! Часто одно слово, одно движеніе, одинъ взглядъ, одно присутствіе въ какомъ-нибудь мѣстѣ, одно участіе въ какомъ-нибудь занятіи рѣшаютъ человѣка на многое, на что безъ сихъ случаевъ онъ не рѣшился бы. Какъ слѣдовательно надобно быть осторожнымъ во всѣхъ дѣлахъ и словахъ, во всѣхъ движеніяхъ своихъ! Какъ тщательно надобно избѣгать всего, что способствуетъ къ возбужденію и раскрытію страстей! Не будетъ пищи, не будетъ и силы у страстей. Правда, человѣкъ не въ силахъ избѣжать всѣхъ случаевъ ко грѣху; во злѣ лежащемъ въ мірѣ онъ неустанно противъ воли, можетъ встрѣчаться съ ними, и тамъ, гдѣ думалъ найдти одно хорошее, живущая немъ похоть можетъ найдти дурное. По крайней мѣрѣ, зная немощь своей плоти, онъ всегда обязанъ блюсти себя, по слову Господа: *бдите и молитесь, да не внидете въ напасть* (Мат. 26, 41); всегда можетъ избѣгать такихъ хотя случаевъ, которые явно дѣйствуютъ на раскрытіе въ насъ чувственной природы, какъ-то: веселыхъ пировъ, нецѣломудренныхъ плясокъ, разныхъ нескромныхъ зрѣлищъ и т. п., что выдумалъ и неустанно выдумываетъ человѣкъ для такъ называемаго веселаго проведенія времени, и гдѣ такъ часто гибнутъ нравственность, здоровье, имущество, честь. Смерть Іоанна Крестителя — какое мрачное воспоминаніе для пирующаго и пляшущаго человѣчества!

Вотъ нѣсколько мыслей, возбужденныхъ въ насъ исторіей праздника Ускновенія главы Іоанна Крестителя. Дай Богъ, чтобъ онѣ послужили кому-нибудь въ пользу.

Протоіерей Н. Рудневъ.